

Убивая Еву: умри ради меня

Автор:

Люк Дженнингс

Убивая Еву: умри ради меня

Люк Дженнингс

КинostoryУбивая Еву #3

Противостояние наемной убийцы Вилланель и агента службы безопасности Евы Поластри продолжается. Действие разворачивается на фоне Лондона и Санкт-Петербурга. В то время, как Вилланель возвращается на родину и встречается с демонами прошлого, Ева Поластри находится в бегах, скрываясь от «Двенадцати», секретной организации, жаждущей ее смерти. Разыгрывается последняя шахматная партия, поражение в которой будет стоить жизни.

Люк Дженнингс

Убивая Еву: умри ради меня

Luke Jennings

Die For Me

© Luke Jennings, 2020.

© Г.Л. Григорьев, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

С наступлением темноты нарастает ледяной ветер. Он дует с юго-востока, со стороны Рижского залива, несется через Балтику и врывается в борт нашего корабля, заставляя контейнеры со стоном и скрипом натягивать найтовы. Чем ближе мы к России, тем ниже температура.

Контейнер, в котором мы с Вилланель сидим вот уже пятый день, отплыв от северо-восточного побережья Англии, – это ящик из гофрированной стали размером с тюремную камеру и высотой метра два с половиной или даже чуть больше, частично занятый тюками одежды. Он стоит среди нескольких таких же по правому борту. Внутри холодно, как в могиле. Мы сидим, словно две крысы, греемся друг о дружку, поклевываем тающий на глазах провиант – черствый хлеб, сыр и шоколад, попиваем воду, строго разделенную на порции, и мочимся в пластиковое ведро. У меня-то всю дорогу запор, а Вилланель опорожняется в пакеты из зоомагазина, которые она потом аккуратно завязывает и складывает в углу.

В стенке контейнера, что ближе к носовой части, есть аварийный люк сантиметров примерно тридцать на тридцать, и он открывается изнутри. В него порой просачивается тоненький луч света и морозное дыхание соленого воздуха. Если забраться на тюки, можно наблюдать, как линия горизонта качается вверх-вниз, а носовая волна с ее гребнем – белым на фоне серого – вздымается и опускается, словно в замедленной съемке. Я стою и смотрю на это слезящимися глазами, пока лицо совсем не онемееет. Когда ветер стихнет, я выплесну в аварийный люк содержимое нашей пластиковой параша. И оно застынет ледяной коркой на стенке контейнера. Я спрашивала Вилланель, не хочет ли она отправить туда же свои пакеты с дерьмом, но она опасается, как бы пакет не шмякнулся на палубу.

Вилланель продумала все: одежда, термобелье, туалетная бумага, мыльно-рыльные принадлежности, тампоны, неопреновые перчатки, красные сигнальные фонари, боевой нож, пластиковые наручники, девятимиллиметровые патроны для ее «зига» и моего «глока», увесистая пачка потертых долларов. И никаких телефонов, ноутбуков, кредиток, паспортов. Ничего, по чему нас можно отследить. Вилланель – единственный человек в мире, кто знает наверняка, что

я жива, а сама она официально числится в мертвых. Ее могила на кладбище Индустриального района Перми, где на небольшой металлической табличке написано «Оксана Воронцова».

Два года назад я понятия не имела о существовании Виллanelь – Оксаны Воронцовой.

Я руководила мелким отделом в Темз-хаусе, отвечавшим за внутренние связи МИ-5, и мои дела, в общем и целом, шли неплохо. Работа была скучноватой – со своим магистерским дипломом по криминологии и судебной психологии я лелеяла надежды на нечто более увлекательное в стенах спецслужб. Светлая сторона моей жизни состояла из не особо впечатляющей, но стабильной зарплаты и мужа Нико, доброго и порядочного человека, которого я любила и с которым мы планировали завести детей. На свете есть вещи похуже рутинной работы, уговаривала я себя, а то, что каждую свободную минутку на службе я посвящала созданию досье по нераскрытым политическим убийствам, так это было моей личной инициативой. Просто чтобы не терять форму. Хобби, так сказать.

Эти неофициальные изыскания привели меня к уверенности, что некоторые из убийств совершила женщина, причем, скорее всего, – одна и та же. В обычных обстоятельствах я бы оставила свою теорию при себе. Официально я занималась в МИ-5 не расследованиями, а административной работой, и заведи я разговор на эту тему с руководством, в ответ получила бы поднятые брови и снисходительную улыбку. На меня бы посмотрели как на недотепу, потерявшую надежду на продвижение и задумавшую прыгнуть выше головы.

Когда в лондонской гостинице застрелили ультраправого русского политика Виктора Кедрина и его трех телохранителей, меня обвинили в том, что я не смогла обеспечить ему надлежащую охрану, и уволили.

Все, кто был в курсе дела, понимали, насколько это несправедливо. Как понимали и то, что, если департамент так грандиозно облажался (а убийство столь популярной фигуры – куда уж грандиознее), то нужно кого-то назначить крайним. В идеале крайний должен занимать хоть какой-то пост, но не слишком высокий, а такой, чтобы его можно было без труда заменить. Кто-то, кем можно с легкостью пожертвовать. Кто-то вроде меня.

Вскоре после того, как я освободила свой рабочий стол и сдала пропуск в Темз-хаус, со мной тайно связался один из ветеранов МИ-6 по имени Ричард Эдвардс, который, в отличие от коллег с северного берега [1 - Штаб-квартиры МИ-5 и МИ-6 находятся соответственно на северном и южном берегах Темзы.], с готовностью выслушал мои идеи. Я возглавила его неофициальную команду, чьей задачей было найти убийцу Кедрина. Теперь я гонялась за Вилланель по всему свету. Она оказалась неуловимым призраком – всегда на один шаг впереди. Мне оставалось лишь тащиться по ее кровавому следу. И невольно восхищаться ее зловещим артистизмом. Вилланель была дерзкой, свободной от страха или чувства вины, и ей, вероятно, немного наскучила легкость, с какой она уходила от преследования. Осознав, что я неотступно слеую за ней, она была польщена и отплатила мне той же монетой. Однажды ночью в Шанхае она залезла с улицы в мой номер и прихватила с собой трофей – мой браслет. Затем в качестве компенсации – и из чистой наглости – она среди бела дня проникла в мой лондонский дом и оставила там другой (и куда более дорогой) браслет, который специально для меня купила в Венеции. Эти вторжения были флиртом, но и внушали ужас. Они тихим шепотом напоминали, что она ко мне равнодушна, но может прикончить меня в любой момент, когда захочет.

Я отказывалась признаться в этом даже самой себе, но ее извращенные ухаживания достигли своей цели. Одержимость начинается не сразу. Она подкрадывается к тебе, незаметно подползает, и вдруг – от нее уже никуда не деться. Впервые я увидела Вилланель случайно и опять же – в Шанхае. Я ехала на скутере, остановилась в пробке и заметила, как она шагает по тротуару мне навстречу – вся в черном, с зачесанными назад русыми волосами. Наши взгляды встретились, и я поняла – это она. Вилланель, когда захочет, умеет быть очень милой, но в тот вечер ее глаза были пустыми, как у змеи. Она утверждает, что тоже узнала меня, но я ей не верю. Она врет. А врет она, как дышит. В тот же вечер она заманила моего коллегу Саймона Мортимера в темный закоулок и зарубила его мясницким топориком. Жестокость убийства шокировала даже издавших виды следователей из шанхайского убойного отдела, которые насмотрелись на своем веку расправ «Триады» и прочих ужасов.

Вторая наша встреча произошла в Англии на обочине шоссе – она была спланирована с леденящей кровью гениальностью. Я возвращалась в Лондон из хэмпширского допросного центра. Со мной в машине был Деннис Крэйдл, высокопоставленный офицер МИ-5, признавшийся мне тем утром, что получает деньги от «Двенадцати», организации, которая заказывает Вилланель убийства. Я пыталась убедить Крэйдла сдать информацию о «Двенадцати» в обмен на неприкосновенность, а он в ответ принял меня – офигенная, между

прочим, наглость с его стороны, учитывая все обстоятельства.

Через двадцать минут после того, как мы выехали, нас остановила полицейская на мотоцикле. Конечно же это оказалась Вилланель, но я просекла слишком поздно. Она сказала, что скучает по мне. Коснулась моих волос, назвала мои глаза «милыми». В некотором роде все это было романтично. Они прокололи покрышки моей машины и умчались на мотоцикле, а я, несолоно хлебавши, осталась стоять на обочине. Крэйдл, вероятно, считал, что его спасают. На самом деле Вилланель отвезла его в глухое местечко неподалеку от Уэйбриджа, размозжила ему череп тупым предметом (полагаю, полицейским жезлом) и сбросила труп в речку Уэй.

Из Вилланель – та еще подружка, но я и не искала себе никаких «подружек» – ни в каком смысле. Я же была счастлива в браке с женщиной. И хотя секс с Нико не был чем-то из ряда вон выходящим: никаких тебе комет с пылающими хвостами или взрывающихся сверхновых, никаких вурдалачьих завываний – меня в нем все устраивало. Он был редкий человек, неподдельно добрый. Другие люди меня не замечали, а Нико меня любил. Хвалил мою безнадежную стряпню, находил очаровательной мою нелепую манеру одеваться, постоянно говорил мне, вопреки очевидному, какая я красивая. А я в ответ поступила с ним гнусно. Знала наверняка, какую боль ему причиню, но все равно сделала это.

И все из-за Вилланель. Несмотря на весь зловещий ужас ее деяний, она внушала восхищение. Ее концентрация, ее педантичность, ее безжалостная ясность цели. Я шла по жизни, словно во сне, и вдруг появилась она, моя идеальная соперница.

Как потом выяснилось, Вилланель чувствовала то же самое. Работа на «Двенадцать» в качестве звезды-суперубийцы имела свои профессиональные и материальные выгоды, но она стала тосковать по возбуждению, которое уже не получала от рутинных политических убийств. У нее развился аппетит к опасности. Ей хотелось манить за собой дышащего ей в затылок охотника, который был бы достоин ее темперамента. Ей хотелось танцевать на лезвии бритвы. Она хотела меня.

Нико меня любил, и в его объятиях я всегда чувствовала себя в безопасности, но сатанинские игры Вилланель затягивали в бездну. Лишь после убийства Саймона я осознала весь безграничный диапазон ее психопатии. Я возненавидела ее, чего она на самом деле и добивалась. Она

продемонстрировала мне себя с наихудшей стороны, чтобы посмотреть, не дам ли я задний ход. Но вместо этого я с удвоенной страстью продолжила преследование, что привело Вилланель в восторг – впрочем, она никогда не чувствовала особой разницы между ненавистью и желанием, между охотой и любовными ухаживаниями – и я, в конечном итоге – тоже.

Когда же я потеряла берега? Может, в Венеции, где, обнаружив, что Вилланель месяц назад побывала тут с другой женщиной, своей любовницей, я вдруг почувствовала укол ревности? Или, может, еще раньше, на обочине шоссе, после ее рассказа о той дождливой ночи в Шанхае, когда она проникла в мой гостиничный номер и разглядывала меня спящую? Но сейчас это уже не имеет значения. Важно только то, что, когда Вилланель позвала меня с собой, приказав бросить свою жизнь вместе со всем и всеми, что в ней были, я сделала это без колебаний.

К тому моменту я уже знала, что моя работа была ложью. Что с самого первого момента нашего знакомства с Ричардом Эдвардсом меня мастерски и коварно водили за нос. Когда Ричард попросил меня заняться Вилланель и «Двенадцатью», мне польстило, что он по достоинству оценил мои дедуктивные способности и интуицию. На самом же деле он все это время работал на «Двенадцать» и использовал меня, как канарейку в шахте, тестируя систему безопасности своей организации. Это была классическая операция под ложным прикрытием, и, проводя ее неофициально – по причинам, которые в то время казались мне вполне резонными, – он делал все, чтобы об этом ничего не пронюхали в МИ-6.

Я и сама начала подозревать, что меня используют, но именно Вилланель подтвердила мои подозрения. Она – психопатка и патологическая лгунья, но при этом – единственный человек, кто открыл мне глаза. Она хладнокровно показала, с какой легкостью мною манипулируют. Я чувствовала себя зрителем, наблюдающим, как демонтируют хитроумные сценические декорации, когда на их месте вдруг остаются только канаты, блоки и голые кирпичи задней стенки. Она рассказала, что ей назначили следующую цель, и что эта цель – я. Мне стало известно больше, чем предполагалось. Для «Двенадцати» я перестала быть простофилей и превратилась в проблему.

Наша встреча и последовавшие события – все это было обставлено в духе классической Вилланель. Я тогда только что вернулась из кошмарной поездки в Москву и, войдя в свою квартиру, обнаружила там Вилланель в латексных

перчатках – она сидела в ванне и мыла голову. Между кранами лежал девятимиллиметровый «зиг». Я была почти уверена, что она собирается меня застрелить. Когда спрашиваешь, сколько людей она убила, Вилланель скромничает. «Сколько надо», – говорит она, но по моим подсчетам, число ее жертв – девятнадцать или, может, двадцать.

Нам требовалось инсценировать мою смерть, а затем – исчезнуть.

Что мы и сделали, и вскоре уже мчались к северу на ее мотоцикле «Дукати» – я сидела сзади, крепко обхватив ее руками. На самом деле Вилланель не оставила мне никакого выбора, но в тот момент мне это было и не нужно. Я была готова, улетаю прочь, сжечь все мосты.

С тех пор я часто думаю, что бы случилось, прими я другое решение. Если бы вымолила у Нико прощение, обратилась в полицию или пошла бы со своей историей к газетчикам. Осталась ли бы я в живых? Или все бы кончилось машиной с отказавшими тормозами, сердечным приступом по пути в магазин или смертью со всеми признаками самоубийства? Или «Двенадцать» решили бы, что я не стою смерти, и обставили бы дело так, чтобы меня сочли чокнутым конспирологом, очередным новобранцем в тоскливой, мутной армии людей, несущих легкий бред, – поверил бы мне хотя бы Нико? Или я до исхода дней ловила бы на себе его изучающий взгляд, болтая ни о чем за ужином или просиживая бесконечные вечера в бридж-клубе?

В линкольнширском порту Иммингем мы пробрались на борт. Это стоило нам мотоцикла и остатков моего самоуважения. Покупателем был палубный матрос, сошедший на берег по моряцкой визе. Мы подцепили его неподалеку от терминала, в псевдоирландском пабе – настолько унылом, что это даже веселило. Уже битый час мы сидели там над парой кружек пива, и тут вошел он. Вилланель с первого взгляда опознала в нем русского, перескочила за его столик и принялась за работу. Его звали Игорь, а плыл он – как мы и надеялись – на «Кирово-Чепецке», контейнеровозе класса «Панамакс», направлявшемся в Петербург. Вилланель времени даром не теряла. Влив в Игоря три рюмки водки, она перешла к делу. Игорь, похоже, не был слишком удивлен.

Когда мы повели его показывать мотоцикл, на улице шел снег. Вилланель расстегнула непромокаемый чехол, и Игорь присвистнул. Даже я, которая в мотоцикле не отличит руль от колеса, видела, насколько прекрасен «Дукати», а мчаться на нем, сидя позади Вилланель, было поездкой мечты.

– Хочешь попробовать? – спросила Вилланель, выпустив изо рта облачко пара. Задумчиво поглаживая переключатели на руле и пепельно-серый бак, Игорь кивнул. Он перекинул ногу через седло, включил зажигание, почти беззвучно тронулся и объехал вокруг парковки, ловя светом передней фары порхающие снежинки. Слезая, он выглядел явно очарованным, и Вилланель на быстром и образном русском принялась ковать железо, пока горячо. В ответ он что-то промямлил, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

– Он проведет нас на борт завтра вечером, – сказала Вилланель. – Но мотоцикла будет недостаточно. Если его застукают, он получит срок.

– Чего он хочет?

– Он хочет посмотреть на твои... – Она кивнула на мою грудь.

– Мои... Нет. Еще чего!

– Всего один снимок, только для личных нужд. Он говорит, ты ему напоминаешь его тетю Галю.

– Ты, б..., издеваешься?

– Нет. Она – водитель трамвая в Смоленске. Покажи ты ему.

Я обвела взглядом парковку. Кроме нас троих там не было ни души. Я расстегнула молнию на своей кожаной куртке и задрала свитер, терможилет и лифчик. Черт, было нежарко.

Не спуская с меня глаз, Игорь пошарил в карманах своих спортивных штанов и вытащил телефон. Потом он не меньше минуты всячески приседал и наклонялся, пока не сделал наконец желанный снимок.

– Только чтобы там не было моего лица! – сказала я, дрожа. Снег залепил мне очки.

– На фига ему твое лицо? Нет, правда, он говорит, что у тебя очень красивая грудь. И я с ним согласна.

– Рада, что вы тут так замечательно проводите время. Но я сейчас себе сиськи отморожу буквально. Можно мне одеться?

– Угу, все в порядке. Он нам поможет.

– Когда этот контейнер погрузят на борт? – шепотом спросила я, пока мы вили себе гнездо среди тюков одежды.

– Водитель сказал, завтра. Скорее всего, где-то в районе полудня.

– Как думаешь, перед погрузкой будут проверять, что внутри?

– Могут. Боишься?

– В данный момент просто не хочу, чтобы нас поймали.

Она промолчала.

– Ты долго это планировала? – спросила я.

– Я всегда знала, что в один прекрасный день все может измениться и мне, возможно, придется валить. Поэтому прорабатывала пути отхода. Но вот чего я не планировала – так это тебя.

– Ну извини.

– Все нормально. Разговорный русский у тебя ни к черту, так что в Питере прикинешься немой. Или, может, слабой на голову. Или и то, и другое. Скидывай всю эту свою кожу и ботинки.

– Зачем?

- Чтобы завтра, когда проснешься, было что надеть. И потом, мы должны греть друг друга, делиться теплом своих тел. Делай, что я говорю.

- Прошу, - произнесла я.

- Прошу что?

- Просто прошу.

Она отпрянула от меня.

- На х... твоё «прошу», suchка. Хочешь выжить, слушайся меня.

- Понимаю.

- Не похоже, чтобы понимала. Это - мой мир, ясно?

- Но теперь и мой тоже. Хочу я того или нет.

- Думаешь меня кинуть? Отлично. Посмотрим, сколько ты протянешь, uebanutaya.

В темноте я её не видела. Но ощущала, как лучи её ярости пронзают мрак.

- Вилланель, - начала я. - Оксана...

- Никогда не называй меня так!

- Ладно, прости. Но...

- Никаких «но», Поластри. Надеюсь, ты околеешь от холода. Я серьезно! Надеюсь, ты сдохнешь здесь на х...!

Я сняла куртку, брюки и ботинки и положила так, чтобы их было легко найти на ощупь. Я слышала, как рядом то же самое делает Вилланель. Дрожа от холода, я примостилась среди тюков примерно в метре от неё. Медленно ползли минуты,

меня все плотнее окутывал холод, я лежала и слушала ее ровное, спокойное дыхание. Гнусная сука!

Чем я занимаюсь? Почему, зная о ней столько всего, я доверилась ей? Я стиснула зубы, но они все равно продолжали стучать. Я зажала ладонью рот, пытаюсь сдержать слезы отчаянной ярости и унижения и сознавая, что перечеркнула в своей жизни все, имевшее хоть какую-то ценность. Что я проигнорировала внутренний голос, пытавшийся меня уберечь, и связала свою судьбу с лишенным чувств чудовищем, которое запросто убивает людей направо и налево и которое, скорее всего, рано или поздно прикончит и меня.

Я шмыгнула и вытерла нос рукавом. В тот же миг я почувствовала, как Вилланель пододвинулась. Она приникла ко мне сзади, повторяя изгибы моего тела: ее колени – в ложбинках с изнанки моих коленей, ее груди прижаты к моей спине. Раздвинув носом мои волосы, она уткнулась лицом мне в шею. Потом положила ладонь на мою руку и сомкнула пальцы на запястье. Моя дрожь не унималась, и она прижалась ко мне еще плотнее.

В итоге тепло ее тела проникло в меня, и я успокоилась. Нас обволакивала тишина, и я представила, как снежинки шуршат по крыше и стенкам контейнера. Моя рука дернулась, как это порой бывает во сне, и Вилланель сжала мою ладонь, твердо упершись в нее большим пальцем. Она закусила прядь моих волос и нежно дернула, а потом лизнула мой загривок, как львица. И цапнула зубами – довольно сильно.

Я стала изгибаться, пытаюсь вывернуться, но она схватила меня за плечи, рывком перевернула на спину и забралась на меня сверху – мы оказались лицом к лицу в темноте, ее холодный нос касался моей щеки, я ощущала кислое от пива дыхание. Потом ее язык оказался у меня во рту – извиваясь, ощупывая. Я отвернула голову.

– Прекрати!

– Почему?

– Просто... давай поговорим.

Она перевернулась на бок.

- О чем?

- Тебе когда-нибудь был небезразличен другой человек? Ты когда-нибудь чувствовала хоть что-то?

- Думаешь, я не умею чувствовать?

- Не знаю. А умеешь?

- Я чувствую так же, как и ты, Ева. Я - не какой-то там урод.

Она взяла мою руку и засунула себе в трусы.

- Потрогай мою киску. Она мокрая.

Действительно, мокрая. Я на миг задержала там свою руку - мимолетный, головокружительный миг.

- Это не то же самое, что быть равнодушным к человеку, - услышала я свой голос.

- Но это неплохое начало.

Я вернула контроль над дыханием.

- Ты когда-нибудь любила?

- М-м-м... Типа того. Однажды.

- И?

- Она не захотела меня.

- Что ты почувствовала?

– Хотела себя убить. Ей назло.

– Ну и где же во всем этом я?

– Ты здесь, коза! Со мной. – Ее пальцы нащупали мои волосы. – И если ты меня сейчас же не поцелуешь, я тебя точно прикончу. – Она потянула меня к себе, но этого и не требовалось, мои губы уже искали ее рот.

Наши тела сплелись, мы ласкались носами, терлись губами и вслепую, отчаянно целовались. Я почувствовала, как ее пальцы пробираются под пояс моих термолосин и трусов и стягивают их, а когда она вновь уселась на меня, я попыталась снять с нее свитер, но ворот оказался слишком тугим, и она упала на меня, смеясь и нашептывая, что я сейчас ее задушу. Сидя верхом на мне, она медленно стянула свитер через голову. Он скользнул по моим щекам – теплая шерсть, застарелый пот – и исчез, а следом за ним – ее жилет и лифчик. С меня она тоже все это сняла, и я передернулась от накрывшего меня холода.

– Нам надо заняться твоей закалкой, pupsik, – прошептала она, освобождаясь от лосин и трусов.

Все, что дальше, – восторг познания. Ее кожа и моя кожа, ее запах и мой запах, ее губы и мои губы. Вилланель взяла на себя инициативу – мне и самой это требовалось, – и ее рука уверенно проникла между моих бедер. Она однажды убила человека, проткнув ножом бедренную артерию. Удар был настолько искусным и хирургически выверенным, что жертва, скорее всего, не сразу осознала случившееся. Чувствовала ли она пульс моей бедренной артерии? Когда ее пальцы скользнули в меня – помнила ли она в тот момент другие, более кровавые проникновения? А зондируя меня своим теплым языком – вспоминала ли она, как, бывало, раздвигалась в стороны плоть перед смертью?

Когда все закончилось, мы укрылись нашими свитерами и куртками, и я свернулась, приняв ее позу и прижавшись к ее спине. Несколько минут я так и лежала, переполненная эмоциями, касаясь губами нежных волос на ее шее, которые слегка вздрагивали от моего дыхания.

– Странно, – произнесла она. – Я не помню, как ты выглядишь.

– Совсем?

- Совсем. Ты можешь быть кем угодно.

Я приподнялась на локте.

- Почему я тебе нравлюсь? Только честно.

- А кто сказал, что ты мне нравишься?

- Не нравлюсь?

- Может и нравишься. А может, я просто хотела залезть к тебе в трусы. Они, кстати, ужасные.

- Ах вот как!

Она потерлась об меня задом.

- Если честно, у меня слабость к долбанутым теткам. Особенно в очках.

- Вот спасибо тебе большое.

- Pozhaluysta. Мне надо пописать.

Она этим и занялась – шумно, в ведро, установленное ею между тюками в углу. Я отправилась следом и сделала то же самое (нелегкая задача в темноте), а потом мы оделись – иначе слишком холодно, – и я вновь прижалась к ней сзади, чувствуя острый запах ее волос.

- Согласись, pupsik, – еле слышно прошептала она, – этот твой медовый месяц куда романтичнее, чем в первый раз.

Наутро мы пробудились вместе с грузовиком, который, вздрогнув, направился к докам. Мы лежали, не шевелясь, а тишину нарушало лишь поплескивание мочи в ведре. Через двадцать минут мы остановились, и я почувствовала, как тело Вилланель расслабилось, а дыхание – замедлилось и успокоилось. А ведь это – момент максимальной опасности. Если содержимое контейнера и будут

проверять, то именно тут. Я попыталась подражать дзеновской отрешенности Вилланель, но меня тут же неудержимо затрясло. Сердце заколотилось так бешено, что я уже собралась на тот свет.

Через весь контейнер прокатился глухой ляг. Я принялась отчаянно закапываться в тюки, не обращая внимания на взрыв боли в носу, которым я врезалась не то в лоб, не то в плечо Вилланель. Грузовик снова тронулся, но я оставалась лежать под тюками, вдыхая плотный запах слежавшегося хлопка. На этот раз мы ехали не так долго и, по всей видимости, встали в очередь на погрузку, поскольку теперь продвигались вперед рывками. После последнего рывка двигатель умолк. Потом – резкие звуки металла по металлу, глухой, тяжелый удар, и мы стали подниматься в воздух. До этого я с ужасом ожидала момента, когда нас начнут перегружать с берега на борт, представляя доводящее до тошноты раскачивание контейнера под стрелой крана. Но, разумеется, ничего подобного. Процесс прошел гладко, как по маслу. Единственный стальной удар – когда наше временное жилище поставили на место. А потом еще один легкий стук – когда его зафиксировали на нижних контейнерах.

Шли часы, вонь мочи нарастала, а Вилланель продолжала пребывать в подобном трансу состоянии суровой немоты. Может, она мысленно жалела о своем решении взять меня с собой и теперь считает его роковой ошибкой? Может, прошлая ночь ничего для нее не значила? Я лежала, уставившись в холодный мрак. И в итоге заснула.

Проснулась я от мурлыканья двигателей «Кирово-Чепецка» и легкого поскрипывания окружающих нас контейнеров. Пока я очухивалась, рука Вилланель нащупала в темноте мою.

– Ты в порядке? – прошептала она.

Я кивнула, хотя еще не совсем пришла в себя.

– Алё! Мы живы. Мы выбрались.

– Это сейчас.

– А кроме «сейчас» ничего и нет, pupsik. – Она прижала мою ладонь к своей ледяной щеке. – Кроме «сейчас» нет ничего и никогда.

Глава 2

Я потихоньку вникаю в жизненные циклы Вилланель.

Она порой уходит в себя. Замыкается в потайной цитадели своего разума. Я сижу рядом, ощущаю ногой тепло ее ноги, мы дышим дыханьем друг друга, но она при этом – где-то за тысячу миль, в своем арктическом затворничестве. Порой это случается, когда мы укладываемся спать, а она подкапывается ко мне, чтобы согреться. Душой она по-прежнему где-то не здесь. Мне постоянно хочется сказать ей, что она не одинока, но фишка в том и состоит: она одинока чрезвычайно.

Эта ее замороженность может длиться часами, а потом – словно солнце взошло – она вдруг осознает, что кроме нее тут еще и я. В такие минуты я научилась ждать и подмечать, куда прыгнет эта кошка, поскольку она абсолютно непредсказуема. Порой меланхолична и просто хочет на ручки, а порой – сердита и ехидна, как капризный ребенок. Когда она хочет секса, то тянется ко мне. Четверо суток в море – за это время секс превратился в жесткое, дикое занятие. Вода нужна нам для питья, и о том, чтобы подмыться, не может быть и речи. От нас воняет. Но мы не слишком этим озабочены. Вилланель знает, чего она хочет, и особо не церемонится, а я – благодаря темноте и отчаянной неопределенности нашей ситуации – окончательно освободилась от своих табу и в итоге стала великолепной партнершей. Ей это нравится. Она гораздо сильнее, и с легкостью могла бы отпихнуть меня в сторону, когда я валю ее на спину, а сама усаживаюсь сверху, но она позволяет и лежит подо мной, пока я глажу ее грудь и нащупываю языком и зубами шрам на ее губе. А потом она хватает меня за руку, тянет ее вниз, засовывая мои пальцы внутрь себя, и трет мое запястье, пока не начинает стонать, а порой – смеяться, и я тогда ощущаю, как ее бедра напрягаются и резко вздрагивают.

– Ты никогда раньше не была с женщиной? – говорит она. – Неужели я первая?

Этот диалог у нас состоялся раньше.

- Ты прекрасно знаешь, что это так, - отвечаю я.

- Я не знаю.

- Солнышко, поверь мне на слово. Ты - первая.

- Угу.

- Я много об этом размышляла. Каково это - быть с тобой. Что бы из этого вышло.

- Так вот чем ты занималась целыми днями в своем говенном офисе. Думала о сексе со мной?

- В основном я пыталась тебя поймать, если помнишь. Тебя пыталась поймать целая бригада из МИ-6.

- Вы даже близко не подобрались, pupsik. Как там их зовут, этих лузеров, которые с тобой работали?

- Билли и Ланс.

- Точно. Билли и Ланс. Ты думала о сексе с ними?

- Вообще ни разу. Билли - ботан-компьютерщик, который живет с мамочкой, а в Лансе есть что-то от крысы. Суперхитрой, отлично дрессированной, но все равно, понимаешь...

- Крысы?

- Именно.

Она задумывается.

- А ты знаешь, что в Париже я порой от нечего делать хакала твой компьютер?

- Да, ты говорила.

- Это было так скучно. Всегда. Я надеялась найти имейлы от любовника или что-нибудь в этом духе. Но там были только заказы на мешки для мусора, ловушки для моли и жуткие, уродливые шмотки.

- Ну извини. Это называется жизнью.

- Жизнь не обязана быть такой тоскливой. Тебя никто не заставляет, например, покупать акриловые свитера. Даже моль от них тошнит.

- Ты зарабатываешь убийствами и при этом критикуешь мой трикотаж?

- Нет, Ева, это не одно и то же. Одежда - это важно. И что такое «Ринс-Эйд»? Что-то для волос? Или благотворительный фонд?

- Солнышко, ты никогда не пользовалась посудомойкой?

- Нет. Зачем?

Я целую ее в нос.

- Неважно.

- А теперь ты надо мной смеешься. Снова.

- Нет, что ты! Серьезно.

Ее дыхание замедляется.

- Я могла убить тебя, Ева. С легкостью. Но не стала. Я спасла тебе жизнь, рискуя своей, и это, между нами говоря, было офигенно тупо. Но поскольку ты мне небезразлична, я вытащила тебя из Лондона, избавила от «Двенадцати» и от идиота мужа, которого ты никогда не любила, и везу тебя в свою страну. И что ты делаешь в ответ? Стебешься надо мной - я, видите ли, не знаю, что такое гребаный «Ринс-Эйд».

- Солнышко, я...

- Прекрати называть меня «солнышком». Я – не солнышко тебе, а ты – не солнышко мне. Ты в курсе, что моя девушка сидит из-за тебя в московской тюрьме?

- Если ты о Ларисе Фарманьянц, не думаю, что она там из-за меня. Она пыталась застрелить меня на людной станции метро, а попала в безобидного старика и ее арестовали.

- А сейчас она заперта в Бутырке. Знаешь, что я тебе скажу? Мне жаль, что ты не там, а Лариса – не здесь. Она могла лизать мою киску часами напролет. Таких мощных челюстей я у женщин больше не встречала – как у питбуля.

- Судя по описанию, она очаровательна.

- Так и есть.

- Я трепещу. Ты закончила?

- Закончила что?

- Быть избалованной, манипулятивной мелкой сучкой.

- Я буду такой сучкой, какой захочу. Я создала тебя, Поластри. Могла бы проявить, б..., благодарность.

Вот такой она занозистый клубок противоречий. Я не могу взять в толк, как в одном человеке уживаются столь свирепая самодостаточность и эмоциональная нестабильность. Она может игриво и нежно покрывать мое лицо поцелуями, а через миг поливать меня самыми обидными словами, какие только способна придумать. Знаю, что ее жестокость – лишь оболочка, способ защитить хрупкое чувство собственного «я», но все равно это всякий раз ранит меня, как нож. Потому что в настоящий момент потерять ее значит потерять все. И она в курсе.

Возможно, мне не следует удивляться поведению Вилланель: конечно, так беситься из-за «Ринс-Эйд» – полное безумие, но этот эпизод позволяет мне осознать, насколько бесконечно одиноким было ее существование. Она никогда не пользовалась посудомойкой, ей это было не нужно – она всегда жила и ела одна. Решив спасти мне жизнь, рискуя своей, она пошла против собственной природы.

Почему она это делает? Инсценировка моей смерти и наш побег из Лондона – все это было чрезвычайно дерзко и тщательно спланировано. Почему она взваливает на себя все эти хлопоты ради меня? Я ей и впрямь небезразлична, или же у нее просто идефикс, зудящее место, которое невозможно не почесать? А я сама? Что чувствую я, если не считать того факта, что я безумно хочу ее и буквально дышу теми моментами, когда в темноте мы тянемся друг к другу?

Мы беседуем. Поначалу – с грехом пополам и урывками, но вскоре наши беседы начинают длиться часами напролет. Разговоры отвлекают от болезненных спазмов в желудке, которые я начала порой испытывать. Когда я ощутила их впервые (словно змея в кишках все туже и туже сворачивается в кольцо), то испугалась, что это гастроэнтерит или заворот кишок. Я поделилась с Вилланель, а она в ответ рассмеялась, ткнула мне в живот жестким пальцем и сказала, что это от голода.

– У меня часто такое бывало в детстве. Первые пару дней будет неприятно, а потом пройдет.

– А дальше что?

– А дальше твои внутренности начнут переваривать сами себя.

– Замечательно.

– Да шучу. Все будет в порядке. У меня в Париже была знакомая модель, чей дневной рацион состоял из одного-единственного макарона от «Лядюрэ».

– Ух ты. А с каким вкусом?

– Фисташковым.

– О боже. Я бы сейчас душу продала за фисташковый макарун.

– Поздно.

– В смысле?

– Твоя душа принадлежит мне. Она не продается. Придется тебе поголодать.

– Вот черт! Ладно, тогда рассказывай.

– О чем?

– Расскажи о Париже.

– Я любила его. Я там была *une femme mysterieuse* [2 - Таинственная дама (фр.)]. Никто не знал, кто я на самом деле, но я видела, как люди глазеют на меня, и думала: вот блин, если бы вы только знали. Но они, разумеется, ничего не знали. И я от этого тащила. Там был один мужик, очень богатый...

Она всегда хвастается. Ей нравится описывать, как она отомстила тем, кто ее недооценил (длинный список), и с какой легкостью она перехитрила тех, кто хотел ее расколоть.

Из-за ее привычки мифологизировать свою жизнь сложно установить истинную картину, но основные факты мне и так известны, поэтому я постепенно складываю детали в единый образ. Ее настоящее имя Оксана Борисовна Воронцова, родилась она в заштатном приуральском промышленном городе Пермь. Мать умерла от рака, когда Оксана была еще ребенком, а отец служил в армии и частенько отсутствовал. Имея асоциальное расстройство личности, Оксана провела детство в одиночестве, без друзей и подруг. Она превосходно училась, но нередко попадала в истории из-за вспыльчивого нрава и деструктивного поведения. В школе она сильно привязалась к учительнице французского по имени Анна Леонова. Однажды вечером по дороге из школы Анну изнасиловали на автобусной остановке. Подозрение пало на одного парня, и вскоре после этого его нашли в состоянии спутанного сознания и с большой

кровопотерей.

– Я кастрировала его, – рассказывает мне Вилланель с налетом самодовольства. – Я притворилась, будто сейчас сделаю ему минет, а сама ножом отрезала ему яйца. На меня никто не подумал.

На самом деле местная полиция очень хорошо представляла, кто это сделал. В отделе по делам несовершеннолетних на нее уже имелась папка, но расследование прекратили за отсутствием улик. Но когда Оксану – которая к тому времени училась в университете – арестовали по обвинению в убийстве, полицейские проявили бо?льшую дотошность. Жертвами оказались три местных бандита, которые – как она заявила – убили ее отца. Это соответствует тому, что я слышала в ФСБ от Вадима Тихомирова – правда, версия Вилланель существенно отличается от официального изложения. По ее словам, отец внедрился в банду под прикрытием. Полиция же считала, что в банде он был шестеркой, и поймали его на воровстве у паханов.

Когда Оксана ожидала суда, человек по имени Константин вытащил ее из тюрьмы, инсценировав смерть. Она не знала его фамилии, но вероятнее всего это был Константин Орлов, бывший высокопоставленный и весьма уважаемый офицер разведки. Он несколько лет возглавлял Управление «С», секретное бюро, в чью компетенцию входило устранение зарубежных врагов Российского государства. К моменту их знакомства с Оксаной он, судя по всему, выполнял похожие функции на службе у организации под названием «Двенадцать».

– Он знал обо мне все, чуть не с самого рождения, – с гордостью вспоминает Вилланель. – Он сказал, что моя миссия на этом свете – изменить ход истории.

На практике это означало выполнение заказных убийств для «Двенадцати». Орлов сам контролировал ее обучение и позднее стал куратором, организовал ей парижское жилье и время от времени отправлял убивать.

Вилланель полюбила свою новую жизнь. Просторная квартира с видом на Булонский лес, деньги, прекрасная одежда. Она даже завела себе подругу, состоятельную молодую женщину по имени Анна-Лаура, с которой они обедали в фешенебельных ресторанах, занимались шопингом и порой устраивали с кем-нибудь секс втроем. Думаю, даже больше всего этого шика ей нравился ее секрет – что она не тот человек, каким ее знает мир. В зеркале она видела перед

собой не стильную светскую тусовщицу, а темного ангела, вестника смерти. Эта тайна была для нее не меньшим наркотиком, чем сами убийства.

И по-прежнему остается. Она не посвящает меня в свои планы, касающиеся нашей поездки в Россию, – ведь пока она держит информацию при себе, это дает ей некоторую власть надо мной. Не знаю, удастся ли мне убедить ее ослабить хватку. Надеюсь, что удастся – ведь без взаимного доверия у нас ничего не выйдет.

Я – уже не та, какой была прежде. События прошлой недели показали мне темную сторону моей натуры, которую я всегда отвергала, и заставили меня прислушаться к звукам на заднем плане, которые существовали и раньше, но я всегда делала вид, будто их нет. Мои основы не пошатнулись, а попросту исчезли. Их стерла Вилланель.

– Твою мать, Вилланель!

– Чего?

– Ты лягала меня буквально всю ночь.

– А ты всю ночь пердела.

– Неправда. Это ты только что сочинила.

– Ничего я не сочинила. Все потому, что ты не срешь.

– Ага. Теперь ты у нас тут врач?

– Ева, с тех пор, как мы вышли из Лондона, ты ни разу не посрАла.

– Не посрАла, а посралА.

– Что, правда?

- Женский род, прошедшее время.
- А знаешь, ripsik, почему ты целую неделю не сралА? Потому, что ты зажата.
- Ты у нас еще и психолог. Прелестно.
- Ты стесняешься. Вот и держишь все в себе.
- Ни фига подобного.
- Тебе надо замочить пару человек. Освободить свою систему. Тогда не будешь так напрягаться и сможешь спокойно посрать перед своей девушкой.
- Повтори.
- Что повторить?
- «Своей девушкой».
- Своей девушкой. Своей девушкой, своей девушкой, своей девушкой. Довольна?
- Нет. Повторяй, не умолкая.
- Ты какая-то подкаблучница.
- Знаю. Иди сюда.

Последняя ночь в контейнере – самая тяжелая. Боковой ветер со свистом лупит по скрипящим и стонущим стеллажам. Мои голодные судороги объединяют в темноте свои усилия с килевой и бортовой качкой, и меня начинает выворачивать. Прижав колени к груди, я лежу с открытыми глазами, чувствуя, как к горлу подкатывает кислота. Потом неудержимые рвотные позывы поднимают меня на четвереньки, но мой желудок пуст. Натиск ветра длится уже несколько часов, мое тело выжато, а горло саднит от рвоты всухую.

Все это время Вилланель не произносит ни слова, не делает ни единого сочувственного жеста. Хватило бы просто касания, но я не достаиваюсь даже намека. Не знаю, спит она или нет, злится или ей наплевать. Ее просто нет. Я ощущаю тотальное одиночество, я чуть ли не готова уже найти себя поутру в пустом контейнере. Если, конечно, утро вообще наступит.

Кое-как я отключаюсь. Сколько я проспала – неведомо, но, проснувшись, обнаруживаю, что ветер стих, мои спазмы прошли, а Вилланель спит, прижавшись к моей спине. Я лежу, не шевелясь, чувствуя тяжесть ее руки на моей и слушая посапывание у своего уха. Осторожно двигаясь, стараясь не разбудить ее, я меняю позу, чтобы взглянуть на часы. Седьмой час утра по местному времени. Снаружи светает, наступает новый день – холодный и опасный.

Вилланель наконец начинает ворочаться, зевает, потягивается как кошка и утыкается лицом в мои волосы.

– Ты в порядке? А то ночью ты издавала жуткие звуки.

– Ты не спала? Почему же ничего не сказала? Я думала, что помру.

– Ты вовсе не умирала, pupsik, а маялась морской болезнью. Словами тут не поможешь, и я заснула.

– Я чувствовала себя покинутой.

– Но я лежала прямо здесь.

– Неужели ты не могла ничего сказать?

– И что бы я сказала?

– Блин, Вилланель, я не знаю. Просто дала бы мне знать, что понимаешь, как мне плохо.

– Но я же не знала, что ты чувствуешь. – Она встает и по тюкам пробирается к аварийному люку. Через минуту в контейнер проникает тусклый утренний свет.

Спустив лосины и трусы, Вилланель присаживается над ведром. В своем толстом свитере она выглядит бесформенной и зачуханной, волосы клоками торчат во все стороны. Я следую в ту же сторону, тоже мочусь, потом несу ведро к люку и выплескиваю содержимое. Моча замерзает моментально, добавляя новый слой к каскаду желтоватого льда, покрывающего внешнюю стенку контейнера.

Высунувшись навстречу морозным порывам ветра, я вглядываюсь в горизонт. Небо от земли отделено серым, еле заметным лезвием ножа. Не исключено, что это оптический обман, поэтому я достаю из кармана куртки очки и снова смотрю. Это земля. Россия. Пытаясь собраться с мыслями, я вглядываю из люка, и тут сзади подходит Вилланель, прижимается холодной щекой к моей.

Она шмыгает и вытирает нос рукавом.

- Когда доберемся, будешь делать все, что я скажу, ладно?

- Ладно. - Я наблюдаю, как постепенно материализуется силуэт Санкт-Петербурга. - Вилланель?

- Да.

- Мне страшно. Я, блин, реально, до чертиков боюсь.

Она засовывает руку под мой свитер и кладет ее мне на сердце: - Не проблема. Бояться, когда ты в опасности, - это нормально.

- А ты боишься?

- Нет, но я же ненормальная. Сама знаешь.

- Знаю. Я не хочу тебя потерять.

- Ты не потеряешь меня, pupsik. Но ты должна мне доверять.

Я оборачиваюсь к ней, и мы обнимаемся, мои руки - в ее грязных волосах, а ее - в моих.

– Хороший был медовый месяц, правда? – произносит она.

– Идеальный.

– Ничего, что я психопатка?

Я напрягаюсь:

– Я никогда тебя так не называла. Вообще никогда.

– В глаза не называла. – Она покусывает меня за мочку уха. – Но я же и есть психопатка. Мы обе это знаем.

Я выглядываю в люк. Теперь видны и другие контейнеровозы, стекающиеся к порту вдалеке.

– Слушай, Ева, я знаю, ты хочешь, чтобы я – как бы – пыталась чувствовать так же, как ты...

То ли это от голода, то ли от недосыпа, то ли просто от морозного ветра, но из моих глаз начинают бежать слезы. – Солнышко, все нормально, правда, все хорошо. Я... Ты меня устраиваешь такой, какая есть.

– Я попробую быть нормальнее, но если мы хотим остаться в живых, ты тоже должна быть немного как я. Немного...

– Немного Вилланелью?

Она проводит по моей шее обветренными губами.

– Немного Оксаной.

Глава 3

Мы чувствуем, что «Кирово-Чепецк» сбавляет скорость. Выглянув в люк, мы видим, что море до берега – мили две – покрыто льдом. Следующую пару часов мы стоим почти без движения, но потом слева по борту появляется ледокол, который начинает пробивать для нас дорогу к порту. Это безумно медленный процесс, и мы то лежим на тюках в раздраженном молчании, то высовываемся из люка навстречу студеному ветру, пока ледокол метр за метром разрезает скрипящий, с трудом поддающийся лед.

Уже давно стемнело, когда «Кирово-Чепецк» входит в док Угольной гавани, и вибрация двигателей постепенно прекращается. В стальном боксе, который без малого неделю служил нам домом, воздух пропитан запахом наших тел. Мы давно доели остатки сыра и шоколада, и мой желудок терзает голод. Я истощена, выжата и ужасно напугана – в основном меня страшит мысль, что Вилланель куда-нибудь денется, и я останусь одна. Какой у нее план? Что произойдет, когда контейнер откроют? Что будет с нами, и с чем мы столкнемся?

Разгрузка начинается через пару часов после остановки. Нас снимают одними из первых. У меня сердце готово выскочить из груди, пока раскачивающийся контейнер перемещают по воздуху, а потом фиксируют на поджидающем прицепе. Во внутренних карманах моей мотоциклетной куртки – «глок», который врезается мне в ребра, и три обоймы девятимиллиметровых патронов. Бог знает, что может случиться, если наш контейнер станут сканировать на предмет тепла человеческих тел или подвергнут досмотру. Игорь заверял нас в Иммингеме, что никаких подобных проверок не будет и что здесь позаботятся о нашей благополучной доставке на промышленный склад, но от Иммингема мы очень далеко. Когда грузовик трогается, я нащупываю щеку Вилланель. Она резко отстраняется.

– Что?

– А вдруг нас остановят?

Она зеваает.

– Ева, иди на хер.

– И все-таки?

- Если нас остановят, просто делай, что я скажу.

- Ты всегда так говоришь. Мне от этого не легче.

- Мне насрать. И хватит уже меня доставать.

Она поворачивается спиной, а я лежу, скрипя зубами. В настоящий момент я была бы рада аресту, полагайся к нему приличный обед, и наплевать на Вилланель и на то, что будет дальше. Мое воображение рисует теплый кабинет, дымящуюся тарелку борща, серый хлеб с толстой коркой, фруктовый сок, кофе... Я жутко взбешена и завязана в узел от голода и тревоги, и поэтому не сразу замечаю, что мы уже, оказывается, выехали из портовой зоны.

Грузовик неторопливо едет по городским окраинам, и мы ощущаем, как со скрежетом переключаются передачи. Там, где мы в конце концов останавливаемся, – полная тишина. Вдруг контейнер начинает оглушительно вибрировать, резко наклоняется, и все, что есть внутри, скользит вниз, заваливая задние двери. Меня несет туда же, и я в итоге обнаруживаю на лице колено Вилланель. Руками и ногами мы разгребаем завалившие нас тюки. Я провалилась так глубоко, что чувствую холодный стальной пол. Двери вот-вот откроют, и мое сердце колотится с такой скоростью, что я боюсь отдать концы.

Контейнер с мучительным скрежетом опускается на землю. Через несколько минут раздается приглушенный лязг стержней запора и двери распахиваются. Я застываю под тюками – челюсти стиснуты, глаза крепко зажмурены, а сама я так напугана, что не могу ни о чем думать. Проходят секунда за секундой, но новых звуков нет. Я смутно осознаю, что на моей спине лежит рука Вилланель. И вдруг всего в паре метров от нас что-то громко захлопывается, с рычанием оживает мотор грузовика, и через мгновение слышится отдаленный скрип несмазанных ворот.

Мы лежим неподвижно еще несколько минут. Я чувствую, как рука сползает с моей спины, и тюки начинают шевелиться. Но я все равно лежу, примерзшая к полу контейнера, даже не смея надеяться, что кроме нас здесь никого нет. Лишь услышав голос Вилланель, я открываю глаза и направляю взгляд вверх.

– Эй, коза! – шепотом зовет она, направляя мне в лицо сигнальный фонарик. – Все в порядке. Тут никого.

– Точно?

– Да. Вылезай.

Я неуверенно, на ощупь пробираюсь к открытым дверям контейнера, нахожу очки и озираюсь. Мы – на погрузочной площадке склада величиной с собор. Линейные неоновые светильники, висящие над нами на ржавых балках, испускают мрачное рассеянное свечение. Слева – смутные очертания стальных ворот. Узкий луч света на одной из створок указывает на калитку поменьше. Перед нами, уходя в даль и исчезая в темноте, стоят плечом к плечу ряды промышленных вешалок со свадебными платьями. Словно армия невест-призраков.

Вилланель кивком командует идти за ней. Через пару шагов я останавливаюсь от дурноты и головокружения. Меня раздуло, и тут мои кишки пронзает резкая боль.

– Ты в норме?

Я стою пару секунд, покачиваясь:

– Мне просто надо очухаться.

Она хмурится, затем поворачивается и тыкает мне в бок пальцем:

– Больно?

– Да. Откуда ты знаешь?

– Это очевидно. Нельзя не срать неделю без последствий.

– Наверняка я скоро этим займусь. Ладно, все прошло, пойдём.

Мы обходим склад по периметру, но как отсюда выйти – неясно. Есть пара стальных, наглухо запертых пожарных дверей. До окон не добраться, они метрах в десяти над головой, а стеклянная крыша – и того выше. Небольшой кабинет, куда мы поднимаемся по лестнице, висит над залом. Он не заперт, на столе – накладные и другие документы, из которых следует, что склад принадлежит фирме под названием «Прекрасная невеста». Тут также лежит дешевенький телефон «Тексет» и черствый бутерброд с колбасой в бумажном пакете.

– Ешь, – говорит Вилланель. – Я не голодная.

Разумеется, она врет, но я все равно с жадностью за него принимаюсь.

– Только не жди от меня поцелуев в ближайшем будущем, – произносит она, натягивая латексные перчатки, которые у нее всегда с собой. – Ну и запахок! Не иначе колбаса из ослиатины.

– Я и не жду, – отвечаю я. – И мне плевать.

Она включает телефон. В батарее остался один процент заряда. Пока он совсем не сдох, я сверяю время со своими часами. Без двадцати шесть.

– Как думаешь, когда здесь начинается рабочий день?

– Я заметила у входа табельный таймер. Давай вернемся и глянем на карточки сотрудников.

Выясняется, что первые работники приходят в шесть или чуть позже – то есть уже вот-вот. У нас не больше четверти часа.

– Нам надо валить отсюда именно тогда, когда они начнут заходить, – говорит Вилланель. – Если попытаемся здесь спрятаться, нас точно накроют.

Пока я роюсь в контейнере, замечая следы нашего присутствия – рюкзаки, пустые бутылки из-под воды, обертки от продуктов, пакеты с дерьмом, – Вилланель бродит по складу, изучая ряды свадебных платьев. Ее особый интерес, похоже, вызывает один из массивных электрокалориферов на колесах,

установленных в центральном проходе на некотором отдалении друг от друга. Через пару минут она возвращается к контейнеру, собирает аккуратно завязанные пакеты с собственным дерьмом и показывает мне удобное укрытие среди вешалок метрах в десяти-двенадцати от ворот.

– Жди здесь, – наказывает она, передавая мне рюкзаки, – и не шевелись.

Минуты тянутся мучительно медленно. Меня ужасает мысль, что люди придут раньше, Вилланель сразу схватят, а меня обнаружат сидящей на корточках среди свадебных платьев. Но она наконец вновь возникает рядом.

– Когда я скажу, беги что есть дури к воротам, – говорит она, когда мы надеваем рюкзаки. – Молчи, не оглядывайся и держись ближе ко мне.

– Это и есть твой план? Бежать что есть дури?

– Да, такой план. Они – простые работяги и испугаются тебя куда больше, чем ты – их. Они не врубятся, что происходит.

Я гляжу на нее с сомнением, и в этот момент мы слышим, как со скрипом открывается та маленькая калитка в воротах. Я тут же срываю с носа очки и запихиваю их в карман. Раздается приглушенный гул голосов и неторопливая серия электронных звуков: работники «Прекрасной невесты» прикладывают свои электронные пропуска. Над головой дрожит свет ламп, в воздухе появляется душок табачного дыма, мимо нашего укрытия шаркают ногами невидимые фигуры, и мне начинает казаться, что расстояние от нас до ворот постепенно растет. «Хладнокровнее! – приказываю я себе, пытаюсь успокоить дыхание. – Это все равно что бежать по Тоттенхэм-Корт-роуд на 24-й автобус. Как два пальца».

Раздаются тархтящие звуки— включаются калориферы. Затянув ремешки рюкзака, Вилланель становится на низкий старт.

– Приготовься, – шепчет она, и я повторяю ее движения с пересохшим от волнения ртом. Тархтение калориферов перерастает в рокот, а затем раздаются звуки, похожие на дождь, прерывистые вопли, взрыв ругани и топот ног, бегущих к центру склада.

– Пошли! – командует Вилланель и бросается к выходу.

Я бегу на полкорпуса сзади, как будто мчусь на этот автобус. Поодаль справа от нас я ощущаю замешательство орущих людей и оборачивающиеся в нашу сторону злые лица. Мы кое-как добегаем до калитки, сигаем в нее и несемся по неровной, обледенелой земле к забору из рабицы. У выхода нас уже поджидает охранник в светоотражающем жилете. Он раскидывает руки в робкой попытке заблокировать нам проход, но Вилланель мгновенно выхватывает из куртки свой «зиг» и направляет ему в лицо. Он ныряет вбок, а я бегу мимо Вилланель к воротам и рывком открываю засов. Она вырывается за ворота, таща меня за собой, но тут моя нога на мерзлой земле подворачивается, и я тяжело валюсь наземь. Пытаюсь встать, но лодыжка взрывается от боли.

– Вставай, Ева, – говорит Вилланель спокойным, настойчивым голосом, а из склада тем временем начинает валить толпа.

– Не могу.

Вилланель смотрит на меня сверху вниз лишенными выражения глазами.

– Извини, детка, – произносит она, убегая.

Через пару секунд я окружена. Они спорят между собой, таращатся на меня и орут, о чем-то спрашивая. Я лежу на земле в позе зародыша, прижав колени к груди и зажмурившись. Чувствую, как опухает лодыжка. Боль адская. Это конец.

– Otkryvay glaza. Vstavay. – Мужской голос грубый, с обличительными нотками.

Я, прищурившись, украдкой смотрю вверх. Злые лица на фоне серо-стального неба. Говорящий – немолодой мужчина с бритой головой и лицом, похожим на череп. Рядом стоят женщина за сорок с пожелтевшими зубами, бледная, как призрак, и молодой парень с татуированной паутиной на шее. Вокруг топчется еще человек десять. Все они одеты в толстовки с капюшоном, комбинезоны и рабочую обувь. У них резкий тон, хотя по большей части они попросту выглядят озадаченными.

– Ты kto?

Я не отвечаю. Быть может, они – как и рассчитывала Вилланель – сочтут меня психически нездоровой. Решат, будто я слышу голоса, которые заставляют меня спонтанно проникать на чужую территорию и совершать там акты вандализма. А вдруг – хотя шансы на это стремятся к нулю, – кто-нибудь отвезет меня в больницу, откуда я смогу связаться с британскими властями. Непредсказуемое поведение, посттравматический стресс, – скажу я, оправдываясь, и это будет не так уж далеко от истины. Меня отправят на самолете домой и предпишут покой. Придется долго разбираться с Нико, но рано или поздно он примет меня назад и простит. А потом меня убьют «Двенадцать». Вот блин!

– Ты kto?

Я снова перевожу взгляд на череполицего. Он отдает серию приказов. Меня рывком ставят на ноги, снимают со спины рюкзак, и я, опираясь на двух женщин, тащусь, подпрыгивая на одной ноге, назад на склад. Все это время татуированный парень со спокойной настойчивостью говорит что-то в телефон. Я обнаруживаю, что теперь, когда я абсолютно беспомощна и неспособна повлиять на ход событий, страх улетучился.

Женщины помогают мне забраться по ступенькам и пройти через калитку, и меня тут же окутывает чудовищная вонь. Ею пропитано все, она лезет мне в ноздри, в горло, в легкие, и чем дальше мы продвигаемся в глубь здания, тем сильнее она становится.

– Zdes vonuayet, – говорит одна из женщин, прикладывая к носу косынку, и я не могу не согласиться. И впрямь воняет.

Вокруг одного из вентиляционных калориферов словно распылили тонкий, мелкодисперсный спрей из дерьма. От него стал скользким пол, им покрыты потолок и светильники, а дюжина самых изысканных свадебных платьев, еще недавно – цвета чайной розы, белые или кремовые, стали теперь в неромантическую коричневую крапинку.

Импровизация Вилланель оказалась шокирующе эффективной. Когда она готовила свою диверсию, я была слишком напряжена и не обращала внимания на то, чем она занята, но теперь мне понятен ее замысел. Прибыв на склад,

работники «Прекрасной невесты» захотят первым делом обогреть помещение, – рассудила она, – и загрузила в один из калориферов недельную порцию своего дерьма, аккуратно расфасованного в шесть биоразлагаемых пакетов. Пакеты быстро расплавились, а вентиляторы сделали все остальное. Сам калорифер уже отключили, но с него продолжало капать и испаряться дерьмо.

Омерзительно, конечно, но это – классическая Вилланель. Коронный, можно сказать, номер, исполненный гениальностью и ужасом, которыми славятся ее лучшие работы. Даже задыхаясь от вони, я узнаю тот особый дар, что заставил меня идти по ее следу. Кроме того, трудно не разглядеть в этой картине личное послание. Если надеешься на сказку со счастливым концом, – как бы говорит она, – можешь об этом забыть, поскольку все – дерьмо. И она не шутила, ведь ее здесь нет. Встав перед дилеммой, как поступить – прийти мне на выручку или спасти свою шкуру, она сделала выбор в пользу второго.

Разумеется. Она же психопатка.

Женщины ведут меня к центру склада, где уже ожидает череполицый. Меня сажают на стул, рюкзак кладут рядом. Учитывая обстоятельства, я удивлена их вежливостью и обходительностью.

– Ты кто? – снова спрашивают меня, и я снова отвечаю отсутствующим взглядом.

– Kto ona takaya? – Череполицый указывает в направлении, куда побежала Вилланель, и я хмурю брови, делая вид, что не поняла вопроса или не знаю, о ком речь.

– Она bolnaya na golovu, – говорит женщина с косынкой, и я, услышав предположение о проблемах с психическим здоровьем, устремляю на нее жалобный взгляд и, к своему удивлению, обнаруживаю, что у меня из глаз текут слезы.

Раз начала, то надо продолжать в том же духе. Я подаюсь вперед, прячу лицо в ладонях и принимаюсь всхлипывать. Я чувствую, как содрогаются мои плечи, а слезы текут сквозь пальцы. Я лишилась мужа, дома и, в сущности, жизни. Меня схватили в стране, которую я едва знаю, и вынуждают говорить на языке, которым я едва владею, бежать от врага, которого я не могу идентифицировать даже примерно. Нико считает меня мертвой, но «Двенадцать» так просто вокруг

пальца не обведешь. Единственный человек, который мог бы меня защитить, это Вилланель, но я лишилась и ее.

Не знаю, сколько я так просидела, переполненная жалостью к себе, но когда я наконец подняла голову, татуированный опустил руку с телефоном и сухо объявил:

– Едет Даша Квариани. Будет с минуты на минуту.

Вытирая глаза тыльной стороной руки, я рассматриваю окружающие меня лица. Кем бы эта Даша ни была, известие о ее приближении к хорошим новостям явно не относится.

Их пятеро. Четверо – молодые, одетые с иголки мужчины бандитского вида. Войдя, они встают, как вкопанные, заткнув носы и недоверчиво переглядываясь. Женщина не обращает внимания на запах и на беспорядочно бродящих кругами по складу работников, она широко шагает к центру помещения и осматривается. В этом антураже она – как видение. Черная дубленка, застегнутая на молнию до самого горла, холодные зеленые глаза, прическа каре из глянцево-каштановых волос.

Она жестом подзывает мужчин. Двое из них приближаются ко мне, гоня перед собой дурманящую волну одеколona. Первый сажает меня на стул и брезгливо обыскивает, а второй вытряхивает вещи из моего рюкзака на пол и отделяет «глок» с обоймами от мятых свитеров и грязных носков с трусами. Женщина бросает взгляд на пистолет. Положив ладони на колени, она наклоняется вперед и задумчиво меня рассматривает. Потом отвешивает пощечину, и довольно сильную.

Я чуть не падаю. Но по-настоящему меня поражает не хлесткий удар, а то, что она считает меня кем-то, кого можно и нужно бить. Я в изумлении гляжу на нее и получаю вторую пощечину.

– Ну что, сука гнойная, как тебя зовут? – Русские ругательства порой весьма колоритны.

У меня внутри что-то щелкает, и я вспоминаю слова Вилланель. Ее пожелание, что я должна быть немного как она. Должна быть немного Оксаной. Она бы не

сидела безвольно на стуле, готовясь со слезами на глазах к худшему. Она бы наплевала на страх, засунула боль куда поглубже и обдумывала бы следующий шаг.

Я ни разу в жизни никого не била. Поэтому, когда я вдруг рывком вскакиваю со стула и звонко всаживаю кулак в милый носик Даши Квариани, то не знаю, кто из нас больше удивлен – она или я. Звук – словно хрустнула печенюшка, из ноздрей хлещет кровь со слизью, и она, прижав руки к лицу, резко отворачивается.

Все вокруг застывают на месте, и мужики, что обыскивали меня, хватают меня за запястья. Адреналин во мне настолько зашкаливает, что я ничего не чувствую. Даже боль в лодыжке утихла. Квариани сыпет злобными проклятиями, в ее голосе – кровь и слизь. Я почти ничего не понимаю, но улавливаю слова *ogromnaya blyat oshibka*. Она отдает пару команд, двое из складских рабочих убегают и вскоре возвращаются: у первого в руках моток промышленной веревки, а другой катит одну из высоких стальных вешалок.

Мужики ставят меня перед вешалкой и веревкой фиксируют мои кисти за спиной, ловко завязывая узлы. Моя самоуверенность быстро проходит, я не знаю, долго ли еще лодыжка сможет держать меня вертикально. Колени начинают дрожать, а мужики хватают меня под мышки, приподнимают и ставят на нижнюю перекладину у основания вешалки сантиметрах в тридцати над полом. Потом я чувствую, как мои кисти с силой выкручивают вверх и подвешивают к верхней перекладине. Я со связанными сзади руками заваливаюсь вперед, и боль начинает приступами врезаться мне в шею и плечи. Из всех сил стараюсь удержать равновесие, я понимаю, что, если ноги соскользнут с перекладины, то обе руки вывернутся из суставов, но колени у меня делаются ватными, а вывихнутая лодыжка горит.

Боль усиливается, я всхлипываю с одышкой и хватаю ртом воздух. Даша Квариани встает передо мной, я вижу лишь ее отороченные мехом полусапожки. Потом возле ее ног появляется пластиковое ведро с водой, ее руки поднимают его, и в следующий миг я уже вся мокрая, задыхаясь от ледяного шока. Я дергаюсь и извиваюсь с такой силой, что вешалка вдруг начинает клониться к полу. Доля секунды, и я бы оказалась на полу с расквашенным лицом, но невидимые руки успевают схватить вешалку и вернуть ее в вертикальное положение. В руках и плечах я больше ничего не чувствую. Мне нужно пытаться дышать, вталкивать воздух в сдавленные легкие. От холода в голове ни единой

мысли.

И тут внезапно гроыхает выстрел, тускнеет свет и по полу барабанят осколки разлетевшегося вдребезги стекла. Затем раздается мясистый хруст и глухой, тяжелый звук.

– Даша Квариани. Хорошо выглядишь, suchka. – Это Вилланель. Ее голос убийственно спокоен. От облегчения я расплакалась. Она вернулась за мной.

– Воронцова? – Голос Даши стал хриплым и неровным. – Оксана Воронцова? Мне казалось, ты погибла.

– Это не так. Быстро снимай ее оттуда, б..., а то сама, на х..., погибнешь.

Чьи-то руки развязывают меня и помогают дойти до стула. Я сижу мокрая и дрожу от холода. Вилланель стоит, широко расставив ноги, над лежащим бандитом – одним из тех, кто привязывал меня к вешалке. Глубокая кровотокающая рана в его голове нанесена, похоже, рукояткой вилланелевского «зига». Сочувствия я не испытываю, я счастлива видеть, что этот «зиг» сейчас направлен в лоб Даше Квариани.

– Отправь кого-нибудь за сухой одеждой, – приказывает Вилланель, кинув на меня. Квариани подает знак бледной женщине, и та нервно и торопливо удаляется, хрустя лопающимися под ее ногами осколками простреленной стеклянной крыши.

– Ты мне скажешь, какого хера тут делаешь? – спрашивает Квариани у Вилланель. – И убери свой «зиг». Ведь мы, в конце концов, обе – выпускницы Добрянки[3 - СИЗО, где сидела Вилланель и где Константин организовал инсценировку ее смерти в камере (прим. пер.)].

Вилланель медленно опускает пистолет.

– Твоя? – Квариани показывает на меня.

– Да.

– Извини, если мы грубовато с ней обошлись. Но я должна снова тебя спросить, Воронцова, что за херня тут происходит? Хозяин этого бизнеса платит мне за то, чтобы здесь все было спокойно, и тут мне звонят и говорят, что две сумасшедшие бабы залили весь склад дерьмом, сломали оборудование и испортили товара на сотни тысяч. И что я должна была делать?

Бледная женщина возвращается и ведет меня в обшарпанный женский туалет. Она нашла мне футболку, замызганный розовый свитер и выцветший рабочий комбинезон. На двери висит грязное полотенце для рук. Женщина жестами указывает на одежду и исчезает. Переодевшись в сухое и прихрамав назад, я застаю весело болтающих Вилланель и Дашу. Там, где лежал бандит с пробитой головой, теперь лишь кровавое пятно. Когда я подхожу, Вилланель и Даша устремляют на меня взгляды.

– Мило выглядишь, – обращается ко мне по-английски Вилланель. – Тебе идет пролетарский шик.

– Угу, очень смешно. Ты успела заметить, что еще пять минут назад твоя новая подруга меня пыталась?

– Да ладно, она извиняется, и ей правда очень жаль. И потом, она не новая подруга, а старая. Мы знакомы еще по тюрьме.

– Мир тесен.

– Да уж. Даша в Добрянке была известной личностью по кличке Шеевёртка. Ее отец был известный вор в законе. В Питере он имел такой вес, что прокуроры не осмелились судить ее в городском суде, а отправили за несколько тысяч километров в Пермь. И семья даже там смогла все уладить.

– Круто.

– Anglichanka? – спрашивает Даша, белозубо мне улыбаясь. – Ты англичанка?

Я игнорирую ее вопрос. Мои плечи до сих пор нестерпимо болят.

– А за что ее судили? – спрашиваю я Вилланель по-английски. – Что она натворила?

– Как-то вечером ехала в метро домой из института. Вагон был битком набит, и какой-то чувак стал ее лапать.

– Мою задницу, – добавляет Даша. – И я... – Она жестом показывает, как берет чувака за голову и яростно выворачивает. – Его шея так и хрустнула... как popcorn.

– Боже.

– Да ладно, я знаю.

– А свидетелей разве не было?

– Были, но отец с ними пообщался. – Потом она переходит на русский.

– Она говорит, это был ее эпизод. «MeToo», – объясняет Вилланель.

Глава 4

– Думаю, тебе пора называть меня Оксаной, – говорит она с ноткой сожаления в голосе.

– Наверное, пора. Мне нравилось Вилланель.

– Знаю. Классное имя. Но сейчас это опасно.

– Угу. Ладно... Оксана.

Мы лежим друг напротив друга в огромной старой эмалированной ванне в Дашиной квартире. Высокие окна выходят на магистраль, откуда еле слышно доносится гул машин и лязг трамваев. Оксана, само собой, заняла конец ванны,

противоположный от кранов, но горячая вода – все равно настоящее счастье после нашего заточения в контейнере.

Квартира – на третьем этаже массивного неоклассического здания в районе под названием Автово. Судя по всему, этот дом когда-то считался шикарным, такие строили для коммунистических шишек и их семей, но он явно уже пришел в упадок. Сантехника износилась, трубы щелкают и урчат.

– Смотри, какого цвета вода, – говорит Оксана, играя с пальцами на моей ноге.

– Вижу, грязноватая. А от твоего пердежа она чище не становится.

– Еще как становится! Это же прикольно. Гляди. Сжимаешь задницу – маленькие пузырьки, расслабляешь – большие.

– Грандиозно.

– Когда живешь одна, становишься экспертом в таких вещах.

– Наверняка. А что у нас с Дашей?

– В смысле, что у нас с Дашей?

– В смысле – мы у нее в гостях, в тюрьме или...?

– Мы с Дашей вместе сидели в Добрянке, и по бандитскому кодексу под названием vovovskoy zakon, мы – сестры. Сестры по убийству. Это значит, что она должна мне помогать. Я сказала ей, что была torpedo, стрелком, и работала на одну могущественную европейскую семью, а потом мне пришлось быстро свалить. Сейчас это все, что ей надо знать.

– А я?

– Про тебя она не спрашивала.

– Я – просто подружка у torpedo?

- Хочешь, чтобы я поведала ей про МИ-6? Я рассказала ей достаточно, чтобы она мне доверяла, потому что сейчас она нам нужна. Нам нужны новые документы, а она может это устроить. Или, по крайней мере, знает людей, которые могут это устроить. Короче, мы можем жить здесь сколько хотим, она нам поможет и не сдаст. Но взамен она ждет от меня ответной услуги. Что-то серьезное. Пока не знаю, проживем – увидим.

- А что делать мне?

- Ничего. Не добавишь горячей воды? На этом конце уже остывает.

- Хватит горячей воды. В каком смысле ничего?

- В смысле – ну не знаю – просто гуляй, что хочешь, то и делай. Даша знает, что ты – моя женщина. Она не станет втягивать тебя в криминал.

- Блин! Это выглядит... Даже не знаю, как это выглядит.

Она кусает большой палец моей ноги.

- А ты что же, хочешь стать гангстером, pupsik?

- Я хочу быть рядом с тобой. Я проделала весь этот путь не за тем, чтобы просто шляться по магазинам.

- А я – за этим. Я хочу, чтобы ты выглядела потрясающе.

- Seriously, Оксана, я же не просто твоя детка.

- А кто же еще? Ты в курсе, что твои ноги на вкус – как сыр «Эмменталь»? Который с большими дырками.

- А ты в курсе, что ты реально, серьезно, б..., ненормальная?

- Я ненормальная? При том, что в одной ванне с психопаткой лежишь именно ты.

Я пытаюсь поудобнее пристроить голову между кранами.

- Чем занимается Даша?

- Контрабанда, крышевание, наркотики... Скорее всего, в основном - наркотики. У ее отца, Геннадия, была бригада в купчинской братве, а эта братва контролирует в Питере весь героин. Когда он отошел от дел, то передал бригаду Даше. Это почти неслыханно, чтобы женщина имела у бандитов такой ранг, но она к тому времени уже была официально признанный *voг v zakone* и люди ее уважали.

- Еще бы. Она - гребаная садистка.

- Ева, *pupsik*, тебе пора уже забыть это утро и жить дальше. Попробайся взглянуть ее глазами. Склад «Прекрасной невесты» платит ей как крыше, а тут появляемся мы и устраиваем там реальный боже-ж-мой. Даше нужно было показать людям, что она контролирует ситуацию.

- Пытать меня было не обязательно.

- Ну, немножко попытала.

- Было бы множко, не появишься ты.

- Она просто делала свою работу. Почему, когда женщина на своем рабочем месте проявляет служебное рвение, ее сразу все называют сукой?

- Хороший вопрос.

- А я тебе скажу. Это потому что пытки и убийства считаются мужским делом, а когда тем же начинает заниматься женщина, это разрушает гендерные стереотипы. Это смешно.

- Знаю, солнышко, жизнь несправедлива.

- Она действительно несправедлива. И, кстати, просто к сведению, - она брызгает ногой мне в лицо, - я бы не отказалась от «спасибо» за то, что утром

тебя вытащила.

– Спасибо тебе, моя девушка! Моя защитница, моя феминистка.

– Сколько же в тебе дерьма.

Даша, справедливости ради, устроила нас неплохо. Квартира выглядит нежилой, а в выделенной нам комнате – затхлый воздух. Судя по толщине и зеленоватому оттенку, стекла в наглухо закрытых окнах пуленепробиваемые. Но кровать вполне удобна, и после завтрака, который нам принесла девушка, представившаяся Кристиной, мы снова завалились спать.

Проснулись в почти полдень опять голодные как волки. В квартире никого нет, кроме Кристины, – судя по всему, она ждала, когда мы вылезем из постели. Она выдает нам по пуховику, и мы, спустившись в трясутся лифте, в ее сопровождении выходим на улицу. Опухоль на лодыжке немного спала, нога по-прежнему ноет, но ходить я уже могу.

Какое счастье – вновь оказаться под прямыми солнечными лучами. Небо – темно-лазурное, а утренний снег, застыв на закопченных желто-коричневых домах, покрыл их белыми блестками. На обед у нас – по бигмаку с картошкой фри, после чего, немного прогулявшись по проспекту Стачек, мы оказываемся у бывшего кинотеатра «Комета», где сейчас магазин секонд-хенд. В зале вместо сидений прилавки с одеждой. Там есть всё – от готическо-панковского стиля до древних театральных костюмов, от армейской и полицейской парадной формы до фетишистских штучек и самодельной бижутерии. Стоит обычный для таких мест затхлый приторный запах, мне неприятно ходить по рядам с барахлом, роясь в лохмотьях чужих жизней под люстрами ар-деко.

– В этой одежде вас никто не отличит от питерских. Будете типа неформалы, – говорит Кристина. Она высокая, длинноногая, с волосами цвета пшеницы, а по ее мягким, робким манерам непохоже, чтобы она была членом банды. Она мало говорит и всегда так тихо, что приходится напрягать слух.

– Открой себя заново, pupsik. – Оксана крепко обнимает меня за талию. – Совершай безумства!

В этом духе я и стараюсь выбирать вещи, даже думать о которых в прошлой жизни мне было бы странно. Темно-синее бархатное пальто с превратившейся в тряпку шелковой подкладкой и биркой Михайловского театра. Шипованная куртка с анархистскими лозунгами. Мохеровый свитер в пчелиную черно-желтую полоску. Я вдруг замечаю, что мне все это в кайф, чего раньше при покупке одежды никогда не случалось. Похоже, Оксана тоже не скучает. Шопинг у нее такой же суровый, как и остальные сферы жизни – если ей приглянулась шмотка, которую я изучаю, она выдирает ее прямо у меня из рук, не задумываясь.

Завершает наше преображение поход в салон красоты по соседству. Оплачивает все Кристина. У нее внушительная пачка купюр, которую ей дала Даша. В салоне, пока нас с Оксаной обслуживают, она сидит, молча уставившись в пространство. Моя новая стрижка – короткая и волнистая, а у Оксаны – под мальчика, с рваными прядями. Мои ногти бирюзовые, ее – черные.

– Теперь вы совсем как русские, – Кристина одаривает нас редкой для нее, робкой улыбкой.

После этого мы на такси едем в Парк авиаторов. Зачем – мне не вполне ясно. Может, это – ближайшая от Автово туристическая достопримечательность. Небо темнеет, начинается снегопад, мы бредем через почти безлюдный парк к замерзшему пруду, окруженному мрачными скелетообразными деревьями. Напротив нас – мыс, на котором стоит памятник – взрывающийся в небо истребитель «МиГ». Кристина небрежно указывает на него, а потом продолжает призраком шагать по обледеневшей тропе вдоль берега. И только тут до меня доходит, что ей приказали держать нас подальше от квартиры, пока Даша не осмотрит наши вещи и не решит, как с нами поступить. И не исключено, что она решит нас сдать.

Я задаю этот вопрос Оксане, но в ответ она высказывается неопределенно:

– Единственные люди, кого я интересую – кого мы интересуем, – это «Двенадцать», но они летают куда выше бандитов из купчинской братвы.

– Но Даша могла о них слышать. Надо полагать, у нее есть доступ ко всем возможным источникам информации теневого мира.

- Наверняка есть, но на «Двенадцать» они ее не выведут.

- Но вдруг ей удалось с ними связаться? Чисто теоретически.

- Каким образом? Через Фейсбук?

Я киваю, но без уверенности.

- Если бы Даша была дурой, она никогда не стала бы бригадиром внутри bratvy. Если она нарушит vovovskou кодекс и выдаст меня хоть «Двенадцати», хоть кому угодно еще, ей перестанут доверять. К тому же тогда я ее убью. Может, не прямо сейчас, но наступит момент, когда я за ней приду, и она это знает.

С каждым днем я набираюсь сил. Плечи по-прежнему болят - особенно по утрам, - да и лодыжка протестует против длительных прогулок. Но Даша кормит нас очень прилично, и последствия голодовки в контейнере постепенно сходят на нет. Оксана совершает пробежки ежедневно - порой по два или три часа, - а когда возвращается, делает серьезный комплекс упражнений. Я тем временем пытаюсь улучшить свой русский, листая накопившиеся у Даши «Воги» и слушая «Радио Зенит», станцию местных новостей.

Спать с Оксаной - это совсем не то же, что спать с Нико. Его тело было понятным и настолько знакомым, что воспринималось как часть пробуждений и засыпаний, но Оксанино тело - всегда загадка. Чем дальше я его изучаю, тем больше тайн в нем обнаруживаю. Жесткое и одновременно мягкое, податливое и одновременно хищное. Оно увлекает меня все глубже и глубже. Порой она впадает в непроницаемое молчание или отталкивает меня, окаменев от гнева на очередной мой воображаемый промах, - но большей частью она игрива и ласкова. Она - как кошка: зевает, потягивается и мурчит - аккуратные мышцы и спрятанные когти. Когда мы спим, она поворачивается спиной, а я приникаю к ней. Она храпит.

Она не распространяется о подробностях нашего побега из Англии, но при этом уверена, что Даша ей более-менее верит. Она попросила Дашу уладить вопрос с нашими российскими паспортами на новые имена. Та ответила, что за некоторую сумму это возможно.

О ком Оксана пока не упоминала, – это томящаяся в московской Бутырке Лара Фарманьянц. Лично я была бы счастлива, если бы сучка гнила там вечно. Дело даже не столько в том, что она – бывшая Оксанина девушка, а в том, что эта Лара пыталась меня убить. Но Оксана хочет ее вытащить и собирается просить Дашу использовать бандитские связи.

Я всячески стараюсь сохранять душевный покой и не заикливаться на Ларе, но Оксана знает, насколько ранимой я делаюсь при одном только сравнении с ее бывшей подружкой, и не отказывает себе в удовольствии отпустить замечание-другое о потрясающем телосложении и атлетичности Лары, о том, какой она виртуоз в сексе. Конечно же, рациональное мышление подсказывает мне, что Оксана не может скучать по Ларе так, как она мне описывает, и, скорее всего, не каждый день вспоминает о ней хотя бы на миг. Но любовь иррациональна, и я, несмотря на всю Оксанину стервозность, не могу больше убеждать себя, будто не люблю ее.

Я знаю, что никогда ей этого не скажу, как и то, что она никогда не признается мне в любви, поскольку эти слова лишены для нее всякого смысла. И я знаю, что винить мне, кроме себя, некого. Я верила, что мне каким-то образом удастся подействовать на ее лишенную эмоций натуру, однако теперь, при отрезвляющем свете дня, я вижу, что это нереально. Но зимние дни в Петербурге коротки, а ночи – длинные. В нашей совместной постели, когда мы укутаны в темень и сны, когда я вдыхаю запах ее тела, эта вера начинает возрождаться во мне.

Через неделю после нашего приезда Кристина отправляет нас с Оксаной в универмаг, где есть фотобудка. Потом Даша берет снимки и говорит, что наши российские паспорта и другие документы будут готовы через неделю. Это обойдется нам в полторы тысячи долларов, и Оксана тут же отсчитывает эту сумму. Даша объясняет, что можно и подешевле, но качество будет гораздо хуже. Я испытываю облегчение от того, что деньги – Оксанины, поскольку меня уже начинает напрягать, что за все платит Даша по непонятным мне правилам – хоть там воровской кодекс, хоть какой другой. К тому же я вижу, как растет Оксанино нетерпение, которое ни пробежки, ни упражнения унять не в силах.

– Мне нужна работа, – говорит она, вышагивая по квартире, словно пантера в клетке. – Мне нужно почувствовать себя живой.

– А меня тебе для этого мало? – спрашиваю я, и тут же жалею о сказанном. Оксана устремляет на меня исполненный жалости взгляд и оставляет вопрос без ответа.

Положив деньги в карман, Даша сообщает нам, что сегодня она зовет сюда гостей на ужин. Приедет шеф, его зовут Асмат Дзабрати, но обращаться к нему надо «Пахан». Он, по всей видимости, – весьма уважаемая фигура. Бандитский босс старой школы, который в юности был славен тем, что с конкурентами расправлялся топором. С Паханом будут три бригадира, Даша – четвертая. Даша втолковывает нам, насколько это для нее важное событие, а значит, все должно пройти идеально. Кристина подберет нам подходящую одежду.

Оксана – не в настроении, и примерка не ладится. Она окидывает взглядом Кристинин гардероб, выхватывает смокинг от Сен-Лорана, прикладывает к себе перед зеркалом и, не сказав ни слова, выходит из комнаты.

– Все нормально? – спрашивает Кристина, глядя ей вслед.

– Ну... Ты же понимаешь.

– Еще как понимаю, – с легкой улыбкой отвечает она.

– Кристина?

– Крис.

– Крис... так у вас с Дашей...?

– Да, уже год.

Я разглядываю множество нарядов, не зная, с чего начать.

– Ты ее любишь? – спрашиваю я на автомате.

– Да. И она меня любит. Мы хотим когда-нибудь уехать в карельскую деревеньку. И, может, удочерить девочку.

- Пусть у вас все получится.

Она снимает с вешалки гофрированное шелковое платье от Боры Аксу и хмуро разглядывает его.

- А ты со своей Оксаной? Вы собираетесь жить долго и счастливо?

- Типа того.

Она протягивает мне платье.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Штаб-квартиры МИ-5 и МИ-6 находятся соответственно на северном и южном берегах Темзы.

2

Таинственная дама (фр.).

СИЗО, где сидела Вилланель и где Константин организовал инсценировку ее смерти в камере (прим. пер.).

Купить: https://telnovel.me/ru/dzhennings_lyuk/ubivaya-evu-umri-radi-menya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)